

большинство политических программ в качестве своего «ядра» имеют повторяющийся сплав достаточно противоречивых ценностей, а потому говорить о какой-либо идеологической *связности* политических проектов, нормативном *различии* в программах и *принципиальности* идеологических позиций (Селиджер) на примере политических партий РФ в настоящее время не представляется возможным. Следует ли из этого вывод о конце идеологий в России либо вывод о том, что в стране изменился режим производства политического пространства и поэтому идеологии нужно искать в другом месте и другими средствами — вопрос для дискуссии и дальнейших исследований.

О. С. Мантуров

Процессуальная теория социальной структуры

Данная статья посвящена проблеме выработки принципиально нового подхода для описания и исследования социальных структур, в котором остро нуждается современное обществознание. Кризис обществознания в наши дни обнаруживает себя на разных уровнях. Речь идет, во-первых, о неспособности социальных теорий удовлетворять самих людей, незауалированными формулировками описывать процессы, происходящие в современном мире, давать однозначные прогнозы общественного развития, а во-вторых, о необходимости появления методологии универсального типа, отвечающей как нуждам самого общества, так и становящемуся постклассическому этапу современной науки в целом. Задача преодоления этого кризиса будет актуальна для социальной науки еще не один год. Системный кризис, охвативший нашу страну в 90-е гг. прошлого века, не мог не отразиться и на науке. С одной стороны, обществу больше не нужны социальные теории, не отвечающие динамике его развития (а именно такие теории

и господствовали в изучении общества в СССР; низкая динамика социальных изменений вполне укладывалась в логику социально-классовых и функциональных подходов), с другой — в ситуации становящейся науки, только обозначающей векторы своего развития, всегда есть опасность ошибиться в выборе «магистрального пути», отвечающего мировоззренческим запросам, но ставящего под сомнение принцип рациональности. Задача социальной философии, с момента своего зарождения решающей как мировоззренческие, так и методологические вопросы, — подготовить систему координат для современного обществознания, согласно которым впоследствии может протекать движение научной мысли.

Ориентиры

Предшествующие этапы развития научного обществознания предоставили нам массу данных и теоретических конструктов, на которые мы могли бы опираться при исследовании самых разносторонних проблем общества. Чтобы проблематизировать специфику структурирования социальности, необходимо четко обозначить ориентиры, в избытке предоставленные нам классическим и неклассическим этапами научного обществознания.

Все классические подходы к проблеме структурирования социальности можно разделить на две полярные позиции, в зависимости от уровня исследования социальной действительности. В основе каждой из этих позиций лежат классические антитезы: субъективное — объективное, партикулярное — универсальное, микросоциальное — макросоциальное и т. п. «Единая тенденция, которая господствует в нашем мышлении, может быть сформулирована таким образом: мы стремимся понять, в чем состоит зависимость единичного от общего. Поэтому отношение между единичным и общим — абсолютная основа научного мышления»¹. Первая позиция предпочитает изучать социальность как нечто, существующее «над людьми», как то, что навязывает им определенные

¹ Виндельбанд В. Критический или генетический метод? // Избранное: Дух и история. М. : Юрист, 1995. С. 211.

правила деятельности, вторая — как нечто существующее «в людях» и посредством людей. На методологическом уровне эти полярные позиции соизмеряются с двумя типами методов: макроредукционизмом и микроредукционизмом.

Для макроредукционизма характерно сведение индивидуального, уникального, неповторимого к некоему социальному целому, которое и обеспечивает существование социального порядка. Результат такого исследования — создание картины «общества вообще», которая в итоге и подменяет собой социальность. Макроредукционизм характерен для таких направлений социальных исследований, как позитивизм (О. Конт, Г. Спенсер), структурный функционализм (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон), структурализм (К. Леви-Стросс), догматический марксизм и разного рода системных теорий. Социальная структура для макроредукционистов равносильна системе функционирования общества, поэтому социальность изучается как система и как механизм, при использовании в первую очередь естественнонаучного аппарата. Структура тотальна по отношению к индивидам, воспроизводящим ее в своей деятельности, она навязывает законы сосуществования и выстраивает модели отношений между людьми; тем самым, цели, задачи и ход деятельности задаются функционирующими в обществе структурами (социально-классовой структурой, социальными институтами, интересами общностей и др.). Социальность сводится к выявленным исследователем структурам, а результатом исследования выступает создание модели, на основании которой и объясняются все явления социальной жизни.

Вторая полярная позиция — микроредукционизм — является зеркальным отображением первой. Общество и социальные целостности здесь редуцируются к индивидам, индивидуальной воле и индивидуальным действиям. Микроредукционизм характерен для таких социальных теорий, как «понимающая социология» (М. Вебер, Р. Макайвер), неомарксизм Франкфуртской школы (Г. Маркузе, Э. Фромм), герменевтическая социология (В. Дильтей, Г. Гадамер), феноменологическая социология (А. Шюц), бихевиоризм (Б. Скиннер), символический интеракционизм (Дж. Мид,

Ч. Кули), социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман), концепции социального обмена (Дж. Хоманс) и др. Уровни и формы социальности для микроредукционистов являются только лишь абстракциями, результатом мышления индивида или же сконструированных исследователями теорий. Социальная структура воспринимается как конструкт, а социальность — как фон, на котором разворачиваются социальные взаимодействия. Центральное место при этом отводится индивиду. Индивид может быть как «точкой отсчета», выстраивающей жизненный мир вокруг себя, так и собственно представляться в качестве структуры.

Методологии макро- и микроредукционизма высвечивают перед нами своеобразную диалектику уровней социальной действительности. Явления, происходящие на одном из уровней, неизбежно должны затрагивать и другой, так или иначе отображаться один в другом. Но опять же, методы изучения явлений на одном уровне далеко не всегда способны приносить результаты для другого. Здесь мы должны либо признать «раскол» в самой ткани социального, либо же, диалектически представив два уровня структурирования социальности как противоположащие, найти для них некоторое синтетическое начало, провозгласив его в свою очередь подлинной «сердцевинной» социальности.

Данная проблема была поднята социальной теорией в 80-х гг. прошлого столетия. О необходимости появления подходов, основанных на выделении «срединного уровня» структурирования социальности, говорили такие известные исследователи, как Дж. Ритцер, М. Арчер, П. Блау, Р. Бхаскар. Э. Гидденс так определял эту проблему: «Мы стремимся избежать ошибок, свойственных функционализму, структурализму и другим ортодоксальным традициям общественной мысли, которые <...> искали объяснение значимых для других человеческих действий в явлениях, о которых эти субъекты не имели никаких понятий. Вместе с тем не менее важно остерегаться другой крайности, свойственной герменевтическим подходам и различным вариантам феноменологии, которые склонны рассматривать общество как искусственное порождение человеческих существ. Каждый из этих взглядов являет

собой пример ошибочного редукционизма, проистекающего из неспособности соразмерно осмыслить дуальность структуры»². Мы можем обозначить данные подходы по аналогии с описанными выше как мезоредукционистские.

Мезоредукционизм³ — интегративная методология, предполагающая редукцию любых социальных явлений или аспектов человеческого существования к некоему «срединному уровню» структурирования социальности. В зависимости от таких уровней, выделяемых исследователями, мы можем говорить не менее чем о трех типах мезоредукционистских теорий: концепциях эмерджентности, коммуникативных теориях и теориях структурирования.

Теории эмерджентности (П. Блау, Р. Бхаскар, А. Александер, Дж. Ритцер и др.). Данные исследователи акцентируют свое внимание на структурных параметрах социальной системы, на взаимосвязях структурных элементов (а не на конкретной структуре как таковой). Социальные явления объясняются сквозь призму эмерджентных свойств системы, т. е. таких свойств, которые не могут быть выведены из свойств составляющих ее частей, структур, элементов. Социальность предстает в данных теориях как сложная, неравновесная система; структуры социальности имеют свойство (вос)производиться, (само)восстанавливаться, (само)разрушаться, регенерировать.

Коммуникативные концепции (У. Эко, Ю. Хабермас, Э. Лакло, Н. Луман, Ж. Бодрийяр и др.). В основе их лежит понимание общества как особой сферы коммуникативных отношений. В коммуникативных практиках снимается противостояние деятельности субъекта и социального бытия. Проблематизируется реальность как первого (субъект становится проводником в коммуникативных цепях), так и второго (объективный мир здесь предстает все больше в качестве «виртуальной реальности»).

² Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурирования. М. : Академический проект, 2005. С. 71.

³ Данный термин широко распространен в западной социологии. В частности, его использовал в своих работах М. де Ланда, см.: *Delanda M. A New Philosophy of Society*. London : Continuum, 2006.

Социальность предстает некой «производной» коммуникативных актов, становясь тем самым метадискурсом, легитимирующим появление и существование различных социальных структур.

Теории структуриации (П. Бурдьё, Э. Гидденс, концепции в рамках социальной топологии). Данные подходы предполагают структурирование социального во времени и пространстве. В качестве «срединного уровня» структурирования социальности выступают практики повседневности (рутина, габитус и др.). Социальные системы в рамках данного подхода представлены в виде воспроизводимых во времени и в пространстве ситуативных действий акторов, структура же существует за пределами времени и пространства, проявляя себя в памяти в качестве отпечатков социальной практики.

Итак, осмысливая весь спектр данных, предоставленных нам научным обществознанием, мы можем установить ориентиры, которым предпочитали следовать в поисках сущности социальной структуры на протяжении веков. В качестве таких ориентиров могли выступать: социальные институты (общности, классы, нации, государства и т. д.), субъекты социального действия (люди, с присущими им волей, желаниями, намерениями, представлением о социальной действительности и социальном порядке), коммуникативные процессы (конструирование социальной действительности через проговаривание, обмен информацией о ней), эмерджентные свойства самой структуры (показатели, отображающие динамику социальных процессов как на макро-, так и на микроуровне), социальное время и социальное пространство. В научном поиске выхода из «концептуальной чашкобы» можно воспользоваться любым из этих ориентиров и, следуя ему, придти к известным результатам и положениям. Но в стремлении найти выход, следуя за ориентирами, ускользает само концептуальное поле во всей его протяженности и полноте. За стремлением увидеть ориентиры для нас должно скрываться намерение установить координаты.

Координаты

Что такое координаты? Это показатели, упорядочивающие и определяющие положение ориентиров в заданном пространстве. Если ранее мы предпочитали следовать при изучении структуры определенным ориентирам/центрам (замещая ими сущность структуры как таковую), то теперь должны очертить для себя круг координат, обуславливающих своими взаимодействиями структурные формы. Переход от системы ориентиров к системе координат для нас будет означать трансформирование проблемы структурного обуславливания в проблему становления. Такая трансформация может осуществиться только путем нового, постклассического, антиредукционистского подхода.

Результат редукционистского подхода — создание модели, но модель — лишь отображение действительности, а не действительность как таковая. Основная ошибка редукционистов (любого уровня) заключается в попытке запечатлеть структуру общества в статике, взглянуть на социальность как на картину, увидев в ней явное, зримое, не замечая при этом скрытого, случайного, нереализованного. Вместо представления о социальности как о редуцированном человеческом бытии антиредукционизм исходит из предпосылки о процессуальном характере социальности, динамике социальных отношений в их собственной длительности и протяженности. Антиредукционизм «становится методологической стратегией, отвечающей потребностям понимания динамики общества, связи этой динамики с самобытностью составляющих его индивидов. Эта методология сопоставляется с трактовкой человеческих различий как ресурсов качественного обновления социальных форм, с характеристикой взаимодействия разных социальных форм как условий дальнейшего развертывания социального процесса. Методология постклассического антиредукционизма предстает методологией динамики социального бытия»⁴.

⁴ Кемеров В. Е. Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии // *Вопр. философии*. 2006. № 2. С. 61–79.

Какова должна быть наша система координат? Отказавшись от единственно верного ориентира, структурирующего своим существованием структуру в целом, мы должны отметить тот факт, что если центр не есть объективное свойство структуры и не является при этом единственно возможной для структуры константой, значит, во-первых, структура может совсем обойтись без него (т. е. стать хаотичной, децентрированной) и, во-вторых, ориентироваться в своем становлении и развитии на несколько одновременно существующих центров (т. е. быть плюральной, множественной). Если структура всегда определялась, исходя из некоего «трансцендентального означаемого» как инварианта бытия, тогда вся история существования структуры может быть прослежена как история его различий/замещений. Так, мы по-новому воспринимаем, насколько неразрывно связаны между собой утверждение «структуральности структуры» как игры различия и невозможность репрезентации, тотализации структуры. Центрированность структуры предстает теперь перед нами как бесконечная игра замещений ее центра. Эта структурная бесконечность зависит от конечности области, которая регулируется конечными замещениями. Конечная область структуры есть результат ограниченного числа ее элементов.

Установив координаты «центра» структуры, мы должны обозначить множества вращающихся вокруг этого «центра» элементов.

Структура представляется нам множественностью дифференциальных элементов, связанных между собой дифференциальными отношениями. Эти элементы должны быть определены взаимными связями, множество определяется тем самым всегда внутренним образом. Идеальная множественная связь должна актуализироваться в пространственно-временных отношениях, тогда как ее элементы актуально воплощаются в различных формах. Для любой социальной структуры характерно существование элементов виртуальности. Этим обусловлена как ее незавершенность, так и возможность исчезновения. Отношение между виртуальностью и актуальностью не есть отношение подобия, так как виртуальное — не модель актуального. Появлению актуальностей

благоприятствуют не другие актуальности, но тенденции. В подобное толкование великолепно вписывается положение Р. Бхаскара о нетранзитивных объектах. В данном случае нас интересует то, что нетранзитивные объекты — это порождающие механизмы. Они трансцендентальны, но не трансцендентны, т. е. относятся к условиям возможности, имманентным порождаемым ими транзитивным объектам. Нетранзитивные объекты — это не фундаментальные причины или основания, а механизмы порождения той или иной практики. А механизмы порождения, в свою очередь — это потенциалности, тенденции или способности, столь же реальные, как и события: «...мир состоит из вещей, а не событий. Большинство вещей представляют собой сложные объекты, они складываются из тенденций, влечений и способностей. И только через описание того, как разрешаются эти тенденции, влечения и способности, можно объяснить явления мира»⁵. Порождающие механизмы придают форму процессам, но не конечному продукту, так что результаты процессов, реализующих один и тот же нетранзитивный объект, радикально отличаются друг от друга. Виртуальное и актуальное тем самым связаны друг с другом лишь в отношении становления. Становление происходит не как движение от одной актуальности к другой, от сущности к существованию, но как переход от виртуального к актуальному (актуализация виртуальностей), от дифференциальных элементов к актуальным субстанциям. Структурные координаты — не только топологические, но еще и темпоральные. «Структуральность структуры» по сути — это вырабатываемая ею система координат.

Памятники

Определив социальную структуру как процесс, формирующий свои собственные элементы и координаты (различные пространственно-временные динамизмы), осталось четко обозначить критерии, позволяющие актуализировать структуру. Мы установили, что структуры социальности складываются из ряда

⁵ *Bhaskar R. A Realist Theory of Science. New York : Routledge, 1998. P. 51.*

дифференциальных отношений между постоянно взаимодействующими элементами. Этим дифференциальным отношениям в границах структуры соответствует распределение сингулярных и ординарных точек. Исходя из этого, мы можем обозначить две группы критериев.

Первую группу составляют элементы структуры, дифференциальные отношения между ними и распределение сингулярностей. Структура состоит из множества дифференциальных элементов, вступающих в отношения друг с другом. Эти отношения актуализируются в пространственно-временной сфере, а элементы этих отношений актуально воплощаются в разнообразных терминах и формах. Взаимоопределению дифференциальных отношений соответствует полное распределение ряда сингулярностей, образующих проблематическое пространство, соответствующее элементам структуры. Структура всегда проблематична, и это проблематическое поле всегда определяется дифференциальным полем сингулярных точек. Распределение сингулярных точек соответствует отношениям и элементам структуры, которые, соответственно, актуализируются в различных пространственно-временных отношениях и воплощаются в разнообразных терминах и формах — инстанциях решения.

Исходя из первой группы критериев, мы можем определить структуру как виртуальное множество, в котором все элементы, отношения, сингулярности и значения сосуществуют в полностью и совершенно определенном ансамбле. Но этот ансамбль как таковой никогда окончательно и полностью не актуализируется. Актуализируются «здесь и теперь», конкретные отношения, конкретные значения отношений, конкретные распределения сингулярностей; другие актуализируются в другом месте и в другой момент. Виртуальная структура обладает присущей ей реальностью, не тождественной актуальной реальности — прошлого, настоящего и будущего.

Для придания структуре содержательности, необходимо обратиться ко второй группе критериев. Ее составляют: серии, алеаторные точки, метастабильные состояния. Элементы структуры

организуются в серии. Сингулярность является исходной точкой ряда, распространяющейся на все обычные (ординарные) точки системы вплоть до приближения к другой сингулярной точке, порождающей другой ряд (местами сходящийся, местами расходящийся с первым). Структура всегда определяется несколькими сериями элементов, существующих одновременно. Взаимодействие расходящихся между собой серий элементов выявляется в алеаторных точках. Алеаторная точка — элемент структуры, по отношению к которому определяются символические элементы и вариации дифференциальных отношений. Структура — порядок мест при вариации отношений, алеаторная точка в ней — то, что распределяет различия по всему полю структуры, изменяет дифференциальные отношения. Сингулярности формируют систему, которая развивается в метастабильных состояниях. Метастабильная система характеризуется потенциальной энергией, распределяющей различия между сериями. Сингулярности определяются существованием и распределением таких потенциалов.

Вторую сторону структуры-становления и составляет процесс индивидуации, метастабильной, незавершенной, неполной. Дифференциальные отношения внутри структуры определяют актуальные качества, виртуальные сингулярности — актуальные протяженности. Структура тем самым — процесс, формирующий свои собственные дифференциальные элементы. Интенсивность здесь неотделима от экстенсивности, так же как проблематическое — от решения: это две стороны становления.

* * *

Итак, на протяжении всей статьи мы пытались наметить, в каком направлении может двигаться ход научной мысли в решении проблемы структурирования социальности. Отталкиваясь от базиса классического этапа научного общественознания, мы установили для себя ориентиры (ориентиры четко высвечивают предмет и объект нашего поиска, указывают нам, что именно следует искать) и в соответствии с ними наметили систему координат (координаты — это в первую очередь топологическое измерение,

установление границ, фиксация центра и расположенных в его предметной области ординарных точек). Для представления структуры в динамике осталось только задать хронотопологическое, пространственно-временное измерение. Если мы и можем фиксировать социальную структуру (а не принимаем ее как эфемерное, изменчивое положение вещей), то делать мы это должны в точках пересечения пространства и времени. Актуализированная структура фиксируется в пространственно-временных модусах, становясь тем самым неотъемлемой частью картины мира (как повседневной, так и научно-объективированной). Индивидуация структуры запечатлевается в памятниках. То, что в нашем восприятии отличает одну социальную структуру от другой — это памятники, которые она после себя оставляет. В качестве таких памятников могут выступать фотоснимки в альбоме, кадры кинохроники, архитектурные сооружения, обелиски и т. д. Такие памятники мы можем найти на любом (как микро-, так и макро-) уровне действительности. Каждый такой памятник — это «складка» социальной памяти, сингулярность, незаметно, но неискоренимо вошедшая в нашу жизнь. Это не означает, что вся наша жизнь (как отдельного человека, так и определенного сообщества или социума) вращается вокруг точек сингулярностей; это означает, что в определенных ситуациях социального взаимодействия существование таких точек может дать о себе знать. Любое «складывание» социального возможно лишь на основе уже совершенного.

В самом начале нашей работы мы говорили о ситуации кризиса. Кризис — это как раз таки та самая (неизбежная и зримая) ситуация смены одной отвердевающей структуры на другую. Структуральность структуры — ее существование во времени и пространстве. Это переход не от одной актуальности к другой, но от виртуальности к ее актуализации. «Складка» — запечатленное время — раскрывается в этом процессе, напоминая тем самым о своем виртуализованном, потенциальном существовании. Сжатие социального времени в складку — это событие, веха исторической длительности. Раскрытие складки — эпоха переосмысления, неизбежно сопровождающая становление нового. Кризисы

характеризуют не только завершение определенного этапа становления («складывание»), но и развертывание нового. В ситуациях перемен мы видим обращение к давно забытым памятникам («образцам»), смену одних памятников на другие, актуализацию «складок» социальности (накопленных ранее тенденций, энергий, существующих виртуально в сжатом виде и ждущих подходящего момента для развертывания). «Складка», таким образом, выполняет двойную функцию — накопления опыта, с одной стороны (откладывание устоявшихся элементов в метастабильном состоянии системы), и раскрытия различий — с другой (разгиб, высвобождение накопившейся энергии). Такой взгляд неизбежно переносит нас к вопросу перераспределения социальности в сторону социальной памяти, в первую очередь, в повседневном восприятии. Это новый вызов для социальной философии, который она, несомненно, в силах преодолеть.

С. А. Никитин

Складка, точка, серия

В 1893 г. Стефан Малларме опубликовал сонет «В память о бельгийских друзьях», в котором описывал, как «вдовый камень» Брюгге «снимает с себя» туман — «складку за складкой» (*pli selon pli*)¹. (Два существующих русских перевода сонета, при всех их несомненных достоинствах, как мне кажется, не передают образы последней строки первого катрена должным образом².) «Складка за складкой. Портрет Малларме» — так цитата из этого стихотворения Малларме стала названием написанного Пьером Булезом в 1957–1962 гг. и переписанного заново в 1989 г. вокально-инструментального сочинения. В сопроводительном тексте Булез

¹ ...se devêt pli selon pli la pierre veuve.

² Пер. Р. Дубровкина см.: *Малларме С.* Соч. в стихах и прозе. М.: Радуга, 1995. С. 109. Пер. М. Талова см.: *Малларме С.* Собр. стихотворений. М.: Художественная лит., 1990. С. 57.